

АКТРИСА ИЗ ГУЛАГА

Все было в ее жизни -
и Казимир Малевич,
и Лубянка, и Берлин, и Норильск...

ЭТО БЫЛО несколько лет назад... В Русском музее открылась долгожданная выставка работ Казимира Малевича. Ажiotаж выставка вызвала невероятный, я тоже оказался среди страждущих. И вот в одном из залов невольно обратил внимание на немолодую женщину. Пристально всматриваясь в холст, на котором в голубой дымке цвел яблоневый сад, она вдруг шепнула: «Ну, здравствуйте, яблоньки! Сколько же лет я вас не видела...» Заметив мой взгляд, улыбнулась: «Представляете, эта картина, не копия, а именно оригинал, висела в нашем доме! И вот та, которая называется: «Оддых. Общество в цилиндрах». И «Черный квадрат»... Удивление и некоторое недоверие на моем лице были, вероятно, столь открытыми, что она тут же пояснила: «С Казимиром Севериновичем связана родственными узами»...

Родственница Малевича? Как можно было упустить такой подарок судьбы! Вдруг открылись про художника какие-то новые подробности?.. Представляя: мол, журналист, хотел бы побеседовать для газеты. Она опять улыбнулась: «Только, пожалуйста, не сейчас. Будете в Москве, заходите в гости. Запишите адрес...»

Однако по разным причинам наша встреча все откладывалась и откладывалась. Только недавно наконец-то навестился к Ванде Антоновне Савнор. И прикоснулся к еще одной горькой судьбе...

ОНИ РАНО остались без отца — брат и четыре сестры. Ванда — самая младшая. Мама, Мария Антоновна Степанович, родом из польских дворян, в свое время окончившая пансион благородных девиц, знавшая несколько европейских языков, обученная «манерам», большевистский переворот восприняла тяжело. В 1918-м из растерзанного войной и разрухой Петрограда увезла детей в Вятку. В Петрограде осталась только старшая Лилия; она уже была замужем.

В Вятке тоже все оказалось непросто: и голодно, и холодно. Правда, по вечерам, когда брат Витя возвращался с работы, становилось веселее. Витя великолепно играл на виолончели, пел арии, романсы. Сочинил «героическую» пьесу, и они ее репетировали. Особенно запомнилась Ванде сцена, когда брата с завязанными глазами ведут на расстрел, а он срывает повязку и кричит: «Стреляйте, я вас не боюсь!» (Скоро Витю возьмут в Красную Армию, и он погибнет на Кавказском фронте).

И вдруг в их жилище появился энергичный, веселый человек — это приехал из Москвы муж Лили, Мечислав Северинович Малевич. Много оценив обстановку, распорядился: «Собирайтесь в дорогу!»

И ВОТ УЖЕ они — в Москве, на Самотексе: там у Мечислава Севериновича, который занимал высокий пост в Наркомате путей сообщения, была квартира из пяти комнат. Мечик, как Лилия обычно называла мужа, легко и спокойно взял на себя ответственность за судьбу пятерых родственников. Всегда очень приветливый, очень заботливый, он успевал многое — например, сам на санках привозил продукты, и потом в большой кухне гудели примуса, обед готовился общими усилиями. А вечером Лилия садилась за рояль, звучали сонаты Бетховена, и Мечик в кресле завороченно слушал...

В комнате, где стоял рояль, висела картина: цветущий сад в голубой дымке... И еще одна картина здесь очень нравилась Ванде: на зеленой лужайке — ослепительно белые фигуры... Девочка знала, что художник — родной брат Мечика, Казимир. Однако другие его работы, которых было вдоволь на всех стенах, не понимала; ну что, например, означает вот этот «Черный квадрат»? Часто возле картин слышала от взрослых какие-то странные слова: «футуризм», «кубизм», «супрематизм»...

И вот наконец прикатил из Питера сам Казимир Северинович. Потом он появлялся здесь часто — всегда озобо-

ченный, погруженный в свои мысли, невысокий, коренастый, большая голова с темной гривой, и глаза такие же добрые, как у Мечика. Вообще похожи братья были очень. Часто вполголоса беседовали, о чем — этого Ванда знать не могла, чувствовала лишь, что Мечик к противоречивому творчеству брата относится очень бережно. Однажды сказал домашним: «Это будет великий художник».

Но он уже и был великим... Иногда Казимир Северинович садился за рояль и начинал импровизировать. Ему старались не мешать, в комнате не оставалось никого. Только Ванда за дверью подглядывала в щелку и слушала: очень уж хотелось понять его музыку... Наплывали громкие, уверенные, дисгармоничные аккорды, уносящие куда-то в неведомые дали, наверное — в космос... Может, художник пытался в музыке выразить жизнь своего духа? Или — то, что его так мучило в современной действительности? Однажды, это было уже позже, подобные музыкальные импровизации Ванду поразили особенно, и она поняла, что арест Казимира Севериновича, который случился в 1930-м, допросы в ОГПУ, бесследно для художника не прошли. Вот и безликие, «беспаспортные» крестьяне на его полотнах тоже, наверное, были рождены болью за крепостных «светлого» сталинского времени...

Иногда Казимир Северинович появлялся в Москве с женой, Наташей, которая была намного моложе. Строгая, замкнутая, какая-то напряженная — Ванда никогда не видела, чтобы Наташа улыбнулась... Приезжала из Ленинграда и мама Малевичей — Людвиг Александровна: крепкая, очень подвижная, всегда с папиросой и с рукодельем в руках. Ее вышивки обычно поражали буйством красок, фантазией. Ванда Антоновна показала мне чудом сохранившийся подарок Людвиг Александровны: чайные салфетки с яркими полевыми цветами. Глядя на эти васильки и фиалки, невольно подумал: может, это и было для Малевича род-

нимом его творчества?

Еще сберегла Ванда Антоновна несколько снимков из 1927-го: на выцветших любительских фотографиях — Казимир Малевич с дочерью Уной, с женой, с родными на даче близ Абрамцево. А вообще-то отдыхать любил в подмосковной Немчиновке. «Поеду к ландшафтам», — радостно говорил обычно весной...

В 1930 ГОДУ Лилия с Вандой ездили в Тифлис. На обратном пути Лилия заболела дифтеритом, который окончательно подорвал не очень-то здоровое сердце. Угасала на глазах. Мечик попросил брата написать ее портрет...

Ванда Антоновна показывает старый снимок:

— Она выглядела на портрете такой же, как на этом фото — в бледно-розовой, накиннутой на плечи кофточке, спокойная, но только уже с несколько уходящим вдаль взглядом, без свойственного ей шарма. А для меня образ Лилии всегда был как бы в волнах музыки...

Лилия умерла на ее руках. Вскоре мама и три дочери с Мечиславом Севериновичем разъехались, перебрались на Патриаршие пруды...

ВЕЧНОМ 1935-го умер Казимир Малевич. Его тело в супрематическом гро-

бу доставили из Ленинграда в Москву. После кремации урну с прахом захоронили в чистом поле, около дачи в Немчиновке. Вместо памятника поставили белый куб с черным квадратом.

Вскоре после похорон Ванда выдержала суровый конкурс в оперно-драматическую студию, которой руководил сам Станиславский. Занималась с упоением, ее драматическое сопрано звучало божественно. Знаючи предвещали счастливую актерскую судьбу. А рядом был любимый человек, который скоро стал ее мужем.

Но, увы, все это быстро рухнуло. За Вандой «пришли»...

На Лубянке услышала: «А-а-а, польская шпионка». И началось...

Десять месяцев она доказывала им, что никакая не шпионка. Десять месяцев не знала, что где-то за стеной так же мучают мужа, объявленного, естественно, тоже шпионизмом, но только не польским, а итальянским. Десять месяцев не ведала, что мама ищет ее по всем московским тюрьмам. Наконец вернулась домой (ей очень повезло: как раз в это время Берия, сменив Ежова, на короткий срок изобразил из себя «борца за справедливость»), а у мамы, оказывается, от всех переживаний уже помутился рассудок. А Саша, муж, — в лагере... (Потом две недели она будет добираться к нему — поездом, пароходом, верхом на лошади, а на свидание-то дадут лишь полчаса).

С ФРОНТОВЫМ театром прошла всю войну, до самого Берлина.

Под конец войны Саша вернулся. В тот год умерла мама. Потом родился сыншишка. Ванде дали служебную площадь, а сестра Муся жила уже в Марьиной Роше, так что на Патриарших осталась только сестра Зоя. Однажды пришел туда Мечислав Северинович, принес свернутый трубочкой холст — тот самый портрет Лилии. Погоревав над ним, Зоя так и оставила портрет свернутым, на столике у окна. Зою часто

увозили в больницу, тогда зимой в комнате все замерзало, а когда топили — оттаивало...

В сорок девятом Сашу «забрали» снова. Отправили в Игарку, «на вечное поселение». Тогда и Ванда вслед за ним, с маленьким сыном — тоже «на вечное поселение». И потом слушали слыльные, слушали зеки — в Игарке, в Ермаково, в Норильске — и ее Анду, и Кулазу в «Снегурочке», и Татьяну в «Онегине»... Семь лет слушали...

Ванда Антоновна грустно вспоминает: — Вернулась из Сибири опять на Патриаршие и сразу, в один год, потеряла и Мусю, и Зою... У меня осталась только портрет моей самой любимой Лилии. Трепетно развернула холст и оцепенела: Лилино лицо оживало, чтобы тут же исчезнуть. Краска с холста осыпалась, как порошок. Еще немного — и вот уже нет ничего... Как страшно сложилась судьба Лилечки — ведь даже ее могила за годы моих злоключений затерялась...

Потом дом на Патриарших пошел на слом, Ванде дали другую жилплощадь. Когда пришла за вещами, комната оказалась пустой: кто-то уже прибрал к рукам все, что смог...

ТЕПЕРЬ она живет на окраине Москвы. В ее доме есть рояль «Бехштейн». И сафетки, что вышивала в Таганской тюрьме: иглоку смастерила из грешника, нитки надергала из кальсон, в которые обряжали там и женщин. И марлевые занавески, вышитые мережкой, — это память об убогом жилище в Игарке. А членский билет № 2344 общества «Мемориал» Ванде Антоновне Савнор подписал Андрей Дмитриевич Сахаров...

Лев СИДОРОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Смены»

Москва — С.-Петербург

● Ванда Савнор в Норильске, 1954.